16 Марта 1908 года.

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 6-Й.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Въ чемъ причина нашихъ общественныхъ несчастій?

Событія текущихъ дней даютъ много матеріала для размышленій и разсужденій съ христіанской точки зрѣнія на всѣ явленія человѣческой жизни. Въ чемъ главная причина (разумѣемъ—причина нравственная) вашего несчастія, что наша русская государственная и общественная жизнь течетъ такими неправильными путями, сопровождается такими ужасающими событіями, проявляетъ столько зла и беззаконій, столько злобы и ненависти, раззоренія и разрушенія? Ибо развѣ не несчастіе, что у насъ потерялись всякій нравственный смыслъ, всякое человѣческое чувство, и величайшія беззаконія и злодѣянія—убійства, грабежи, совершаемыя среди бѣлаго дня—не только не считаются

беззаконіемъ, зломъ, а напротивъ—даже одобряются, радуютъ, а убійцы и грабители превозносятся, возводятся въ великихъ людей, благодѣтелей человѣчества, коимъ готовы кланяться и прославлять? Не несчастіе ли, что нашъ крестьянинъ, котораго мы считали благоговѣйнымъ богоносцемъ, нынѣ, подъ вліяніемъ проповѣди „освободителей", грабитъ своихъ сосѣдей, сожигаетъ, уничтожаетъ всякими, часто безсмысленными и дикими способами ихъ добро. Развѣ не несчастіе, что въ теченіе многихъ недѣль и мѣсяцевъ погибло отъ руки убійцъ сотни царскихъ слугъ, вѣрныхъ исполнителей своего долга, неубоявшихся, по совѣсти и въ силу данной присяги, исполнить принятое на себя, или возложенное Царемъ и властями служебное дѣло. У насъ радуются, если услышатъ или прочитаютъ о случаяхъ измѣны воина данной присягѣ, неповиновенія имъ своей законной власти, нарушенія служебнаго порядка. Приходятъ въ восторгъ, когда видятъ признаки упадка матеріальнаго благосостоянія нашего государства, когда враги издѣваются надъ нимъ, радуются его несчастію, его ослабленію и униженію; помогаютъ ослабленію, униженію своей родной земли, готовы разодрать ее, раздѣлить то, что созидали, пріобрѣтали наши предки, и при этомъ думаютъ, что дѣлаютъ хорошо, дѣлаютъ то, что должны дѣлать. Развѣ это не несчастіе? Развѣ не великое бѣдствіе, что ложь, ложь сознательная, намѣренная стала ежедневно практикуемымъ средствомъ и орудіемъ вліянія печатнаго и устнаго слова на массы народа, отравляемаго ежедневнымъ повтореніемъ и оповѣщеніемъ измышленныхъ событій, или же извращеніемъ смысла и ложнымъ освѣщеніемъ событій совершившихся? И чье сознаніе можетъ вмѣстить, что убійцами, грабителями, сознательными лжецами, подстрекателями къ беззаконіямъ и преступленіямъ, являются не невѣжды, ни-

чему неучившіеся, не тѣ, чей разумъ отъ пороковъ и беззаконій помутился, а совѣсть ослабѣла, а люди, часто много и многому учившіеся, знакомые „съ послѣдними выводами науки и философіи“, разсуждающіе о благѣ народовъ и государствъ, о лучшемъ строѣ ихъ жизни? Чья душа можетъ мириться съ тѣмъ, что оправдываютъ и даже сами поощряютъ беззаконія, грабежи и убійства такъ называемые „лучшіе русскіе люди, представители и избранники русскаго народа“, а къ неповиновенію законамъ государства зовутъ люди высокаго умственнаго развитія, просвѣтители народа и юношества — свѣточи русской мысли, представители русской науки. Боже Праведный! Вѣдь это руководители того несчастнаго юношества, которое давно уже оставило свои книги и всякую науку и въ совершенствѣ постигло лишь науку, какъ истреблять царскихъ слугъ, разворять чужія имущества, грабить казнохранилища.

Великая скорбь нынѣ лежитъ на душѣ каждаго истиннаго русскаго гражданина, любящаго нелицемѣрною любовью свою родную землю. Великая скорбь лежитъ у него на душѣ при видѣ, какъ все святое у насъ попирается, какъ разумъ русскаго человѣка извращается, сердце его ожесточается; весь онъ теряетъ смыслъ, честь и совѣсть, зло называетъ добромъ, а истинное добро не умѣетъ ни замѣчать, ни понимать. Въ чемъ же лежитъ главная причина нашего несчастія? Ужели лишь въ томъ, что до сего времени мы жили тѣми формами государственной жизни, которыя все же, худы они или хороши, создали русское государство, давали ему твердость и силу? Ужели лишь въ томъ, что у насъ не было и нѣтъ тѣхъ формъ государственной и общественной жизни, которыя представляются воображенію нѣкоторыхъ юныхъ мудрецовъ, желающихъ осчастливить весь родъ человѣческій за счетъ чужого иму-

щества и достоянія? Что помутило смыслъ, особенно государственный смыслъ русскаго человѣка?

Дѣло какъ будто такъ стоитъ: русскіе люди занялись преобразованіемъ своего государства, переустройствомъ его формъ изъ худшихъ въ лучшія. Что же? Повидимому, дѣло хорошее: почему же и не перемѣнить худшее на лучшее, если это лучшее совершенно ясно и опредѣленно? Но отъ чего же происходитъ, что люди, задумавъ дѣлать добро, дѣлаютъ зло; задумавъ великое, дѣлаютъ преступное; радѣя о благѣ, учиняютъ злодѣянія; стремясь къ общему счастію, причиняютъ несчастія; захотѣвъ быть великими благодѣтелями, становятся великими злодѣями; не успѣвъ сдѣлать ни одного хорошаго дѣла, уже учинили тысячи худыхъ; захотѣвъ благодѣтельствовать Россіи, раззоряютъ ее? Развѣ это законъ природы, что добро не иначе достигается, какъ путемъ великаго зла? Развѣ преобразовывать государство нельзя безъ убійствъ, грабежей, хищеній, поджоговъ, лжи, обмана? Цѣли не оправдываютъ дурныхъ средствъ и великія государственныя и общественныя задачи не рѣшаются съ помощью великихъ беззаконій, путемъ извращенія разума человѣческаго, ослабленія чувства чести и совѣсти; а если у насъ въ настоящее время замѣчается сильное оскудѣніе разума и совѣсти, если преобразовательная дѣятельность не имѣла другихъ выраженій и послѣдствій, кромѣ беззаконій и призыва къ беззаконіямъ, то причина всего этого совершенно ясна и очевидна. Вѣдь что ни совершается у насъ, все совершается безъ имени Божія, не во имя Божіе, безъ справокъ съ Божьимъ закономъ, съ Божьею волею. Напротивъ, наши великіе преобразователи—есть вмѣстѣ съ тѣмъ великіе безбожники. Такими они себя считаютъ и такими желаютъ быть, полагая, что быть безбожникомъ—есть великое преимущество

великихъ умовъ и людей знанія. Такое настроеніе у русскихъ людей, стоявшихъ у науки, а чаще всего лишь воображавшихъ, что они стоятъ вблизи нея, зародилось уже давно. Заграницей, откуда шла къ намъ наука, подобное настроеніе было не всеобщимъ явленіемъ, а лишь рѣдкимъ исключеніемъ среди явленій совмѣщенія широты и глубины знанія съ искреннею религіозностью. Но заграничныя исключенія у насъ стали общимъ правиломъ и невѣріе стало у насъ достояніемъ почти всѣхъ людей полузнанія, полунауки, а затѣмъ и тѣхъ, кто и совершенно ничего не знаетъ, ничему не учился, а лишь читалъ дешевенькія книжки, пропитанныя ядомъ отрицательнаго направленія. У насъ мало и недолго учились, и рѣдко гдѣ выражаютъ опыты знанія, серьезной науки; но на всѣхъ перекресткахъ спѣшили и спѣшатъ выразить положенія, отрицающія все, чего нельзя увидѣть очами, услышать ушами, осязать руками. Непривыкши учиться и размышлять въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ бытія и жизни, остались недорослями съ наклонностями отрицанія и невѣрія. А между тѣмъ надо же каждому жить и рѣшать вопросы жизни. Какъ же рѣшаютъ эти вопросы невѣрующіе? Болѣе глубокіе умы среди нихъ, не находя разумнаго смысла въ человѣческой жизни, оканчиваютъ отчаяніемъ, выражающимся то въ безпросвѣтной тоскѣ и скорби, то даже въ рѣшимости покончить всякіе счеты съ безсмысленною жизнью путемъ самоубійства. Умы мелкіе, низменные весь интересъ жизни полагаютъ въ радостяхъ жизни, въ развлеченіяхъ, въ удовольствіяхъ, въ „прожиганіи жизни“; но также, въ концѣ концовъ, разслабивъ духъ и тѣло, завершаютъ свою жизнь проклятіями противъ нея. Другіе, не желая отказаться отъ личныхъ благъ, выражаютъ цѣли жизни нѣсколько иначе. „Заботься о служеніи общему благу, ибо чрезъ общее

благо достигнешь и своего собственнаго", говорятъ они. А въ чемъ же должно заключаться это общее и личное благо? „Надо, чтобы всѣ были сыты и одѣты, что бы у всѣхъ былъ досугъ и возможность развлекаться и пріятно отдыхать, а больше не о чемъ думать человѣку. Если онъ сытъ и веселъ, то цѣль его жизни достигнута". Какъ видимъ, это старая, древняя исторія, когда народныя толпы языческаго міра, не зная высшихъ цѣлей жизни, требовали хлѣба и зрѣлищъ. И мы только лишь къ хлѣбу и зрѣлищамъ сводимъ всѣ интересы жизни. Хлѣбъ, и при томъ легкій и пріятный хлѣбъ, долженъ быть добытъ. Его много на свѣтѣ есть, но имъ завладѣли сильные и держатъ его въ своихъ рукахъ для своего лишь наслажденія. Надо, чтобы они отдали этотъ хлѣбъ большинству, бѣднякамъ, отдали даромъ, ибо уже достаточно насладились сами, а если добровольно не отдадутъ, то слѣдуетъ отнять силой. Мѣшаютъ этому правительство, религія, общественные порядки. Долой правительство, религію и порядки! А если представители власти, церкви, общества не желаютъ уступить правъ бѣднякамъ на власть, на богатства, на земли, на фабрики, на дома, то, очевидно, они враги общаго счастія и благополучія и отъ нихъ, какъ враговъ, надо избавиться. Какими средствами? Да развѣ о средствахъ слѣдуетъ разсуждать, когда дѣло идетъ о пользахъ человѣчества и о врагахъ его — и радѣтели о благѣ человѣчества таковыми и не стѣсняются. И это понятно. Если я вѣрю въ Бога, то я вѣрю и въ высшій смыслъ человѣческой жизни, въ высшее предназначеніе человѣка; я признаю высокую цѣнность человѣческой души, всего человѣческаго существа. Я поэтому не могу не признать обязательности для себя и лучшихъ отношеній къ человѣку, кто бы онъ ни былъ, какого бы образа мыслей и убѣжденій

онъ ни держался,—все равно близки ли его убѣжденія къ моимъ, или далеки, другъ ли онъ мой, или врагъ. Если я христіанинъ, то ничто не дозволяетъ мнѣ посягать на имущество, здоровье и жизнь человѣка другихъ стремленій и убѣжденій, хотя бы отъ этихъ послѣднихъ мнѣ угрожали непріятности и вредъ. Если бы я, по слабости своей природы, и не удержался бы на высотѣ своихъ христіанскихъ вѣрованій и совершилъ не христіанскій поступокъ, то ни моя совѣсть, ни мой языкъ не стали бы оправдывать этого поступка. Я совершилъ зло и подлежу отвѣтственности за него. Но если я человѣкъ невѣрующій, то что же меня обязываетъ признавать, что жизнь человѣческая имѣетъ какія либо разумныя цѣли и задачи. Кто меня заставитъ цѣнить самого человѣка, его благополучіе, его состояніе, даже его жизнь, если этотъ человѣкъ, по самому своему существованію, вреденъ для меня, если его взгляды и убѣжденія противорѣчатъ моимъ взглядамъ, моимъ и моихъ единомышленниковъ интересамъ? Онъ стоитъ у меня на пути, и что мѣшаетъ мнѣ столкнуть его съ этого пути, какими я хочу средствами. Что мнѣ этотъ человѣкъ и его жизнь? Я и себя и его жизнь ставлю ни во что, съ чего же я буду цѣнить жизнь другихъ людей, по моему мнѣнію, чуждыхъ и даже вредныхъ для меня? Вѣдь я не признаю существованія у нихъ „какой-то“ души? Вѣдь я не признаю существованія и „какого то“ Судьи, имѣющаго воздать мнѣ за мои дѣла. Я самъ себѣ судія, и самъ судія всѣмъ, кто виноватъ предо мной,—всѣмъ, кто иначе думаетъ, разсуждаетъ и понимаетъ, чѣмъ я. Виноваты всѣ, кто мѣшаетъ мнѣ преслѣдовать мои цѣли и намѣренія; виноваты всѣ, кто держится иныхъ политическихъ и общественныхъ убѣжденій, чѣмъ я, кто иными путями хочетъ достигнуть благополучія личнаго и общаго, чѣмъ какими хочу достиг-

нуть я. Я не хочу сносить, чтобы кто-либо, будь онъ хоть самъ Царь, стоялъ у тебя на дорогѣ, и всевозможными средствами я устраняю съ дороги всѣхъ, кто мнѣ мѣшаетъ. У меня есть единомышленники, люди однихъ со мною убѣжденій и стремленій,—за нихъ я стою и ихъ оберегаю. Если имъ угрожаетъ опасность, то я стараюсь предотвратить ее. Я буду громко вопить противъ смертной казни, какую назначаетъ для преступниковъ правительство, ибо смертная казнь можетъ поразить меня и моихъ единомышленниковъ, но это не мѣшаетъ мнѣ оправдывать всякаго рода убійства лицъ, опасныхъ или неудобныхъ для меня и для моихъ единомышленниковъ, такъ какъ для меня жизнь ихъ—ничто. Да и вообще, какая можетъ быть цѣнность человѣческой жизни съ моей точки зрѣнія, если я не признаю въ человѣкѣ никакой души, никакого высшаго предназначенія для человѣческой жизни.

Не всѣ безбожники—изверги, убійцы, грабители; не всѣ вѣрующіе любвеобильны и честны. Но если вѣрующій дѣлаетъ зло, онъ мучится совѣстью и зло не называетъ добромъ и ничѣмъ его не оправдываетъ. Для безбожника же нѣтъ различія добра и зла; обязанности нравственнаго закона и совѣсти онъ не признаетъ; о грѣхѣ не имѣетъ понятія. Съ какой же стати онъ будетъ стѣсняться средствами въ достиженіи своихъ цѣлей, если бы даже пришлось пролить потоки человѣческой крови. Вѣдь, по его мнѣнію, эта кровь ничѣмъ не лучше и ничѣмъ не отличается отъ крови четвероногаго животнаго. И что же видимъ въ дѣйствительности? Кровь у насъ льется обильно, льется ежедневно, и виновники этой крови не только не испытываютъ мукъ Каина, а еще хвастаются, что они были убійцами того-то и того-то. Господи, это ли не одичаніе? это ли не возвращеніе въ состояніе звѣроподобія. Кто же эти

звѣри въ подобіи человѣка? Повторяемъ, это большею частью люди, все же учившіеся, хотя и малому научившіеся, проходившіе или проходящіе высшія школы, или если и не проходившіе школъ, то все же получившіе уроки отъ тѣхъ, кто былъ въ этихъ школахъ, а между этими уроками первый и главный—урокъ безбожія. Какъ внушить человѣку, самому себѣ и другому, что нѣтъ грѣха въ убійствѣ другого человѣка, ни въ чемъ передъ нимъ неповиннаго, за то только, что онъ честно исполняетъ свой долгъ, и убить не только его, но и десятки другихъ совершенно мирныхъ гражданъ, нигдѣ не служащихъ, а лишь стоящихъ вблизи служащаго? Поистинѣ, чтобы рѣшиться самому и внушить другому рѣшимость на такое звѣрское дѣло, нужно предварительно проникнуться убѣжденіемъ и другого убѣдить, что люди не больше, какъ звѣри, и не больше, какъ звѣри тѣ, кого онъ долженъ лишить жизни.

Весь ужасъ нашего времени въ томъ, что мы не понимаемъ его причины и значенія. Мы не замѣчаемъ того, что, потерявъ Бога, мы потеряли все—всякое добро и способность къ нему: наши понятія затемнились, убѣжденія извратились, сердце наше огрубѣло, ожесточилось. Мы стали „переоцѣнивать всѣ цѣнности“ и потеряли цѣну души человѣческой и самого человѣка. Мы не знаемъ, куда намъ идти, что намъ дѣлать, чего не дѣлать. Жажда жизни осталась у насъ; но если жизнь никогда и никого не удовлетворяла, то еще меньше она можетъ удовлетворить безбожника. Отсюда злобное недовольство на все и на всѣхъ. Отсюда шатаніе мысли и воли отыскать счастье во что бы то ни стало. Отсюда непримиримая злоба противъ тѣхъ, кто, по нашему мнѣнію, мѣшаетъ достиженію этого счастья, готовность сжечь, утопить, уничтожить всѣхъ и все, что и кто стоитъ на пути къ достиженію намѣчен-

ныхъ цѣлей. И горе тѣмъ, кто мѣшаетъ безбожнику схватить то, что онъ намѣренъ, чего хочетъ достигнуть! Горе всѣмъ намъ, пожинающимъ нынѣ то, что посѣяли, собирающимъ горькіе плоды нашего безумія—возставать противъ Бога и Его правды. О, какъ горька человѣческая правда!.. Забыли мы Бога и Богъ какъ бы забылъ насъ. Мы его оставили, и Онъ сталъ вдали отъ насъ. И, вмѣсто свѣта, появилась тьма, вмѣсто истины—ложь, вмѣсто любви—ненависть и злоба, вмѣсто жизни—тлѣніе и смерть.

М. В.

Новогоднія сужденія иноепархіальной печати о современныхъ задачахъ духовенства.

I.

Для поддержанія пастырскаго авторитета и улучшенія нравовъ своей паствы надо сообразовать свою пастырскую дѣятельность съ современнымъ внутреннимъ духовнымъ состояніемъ и запросами паствы. Всѣмъ извѣстно, насколько измѣнилась въ настоящее время религіозно-нравственная жизнь простого народа по сравненію съ недавнимъ прошлымъ,—соотвѣтственно этому должна измѣниться и пастырская дѣятельность. Еще не такъ давно вся религіозная жизнь простого народа исчерпывалась обрядовой стороной: народъ строго соблюдалъ посты, терпѣливо выстаивалъ длинныя церковныя службы, ничего не понимая и не желая вникнуть въ смыслъ богослуженія. Теперь не то: народъ, подъ вліяніемъ освободительнаго движенія, замѣтно развивается, съ развитіемъ въ немъ пробуждается любознательность и критическое отношеніе къ окружающей дѣйстви-

тельности и въ частности къ религіознымъ вопросамъ. Крестьянинъ не только хочетъ молиться, но и понимать смыслъ молитвъ, жить сознательною религіозною жизнію, разумѣть смыслъ и значеніе церковнаго богослуженія. Такъ какъ у прихожанъ явилась потребность сознательно участвовать въ богослуженіи, то они стали требовать не спѣшнаго, вразумительнаго чтенія и пѣнія и благоговѣйнаго, осмысленнаго служенія. Но какъ бы хороша ни была церковная служба, она одна не удовлетворяетъ современныхъ прихожанъ: они желаютъ еще постоянной, вразумительной проповѣди. Прежде народъ безучастно относился къ этой важной части богослуженія и во всякомъ случаѣ вполнѣ довѣрчиво къ тому, что проповѣдывалъ священникъ. Теперь совсѣмъ не то: простой народъ желаетъ, чтобы проповѣдь была доказательная, подтверждалась разумными основаніями изъ слова Божія, твореній св. отецъ и примѣрами изъ житій святыхъ и окружающей дѣйствительности. Вмѣстѣ съ этимъ народъ выражаетъ желаніе, чтобы проповѣдь произносилась не по книгѣ или тетради, а устно, т. е. была бы живымъ словомъ и отличалась ясностію, простотой и доступностью. Имѣя въ виду расположеніе прихожанъ къ церковной проповѣди, пастырямъ надо воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и проповѣдывать слово Божіе „благовременнѣ и безвременнѣ". Вмѣстѣ съ обычною проповѣдью по разнымъ вопросамъ, непремѣнно надо ввести послѣ воскресной и праздничной утрени *катихизическія бесѣды*, въ цѣляхъ ученія пасомыхъ истинамъ вѣры и правиламъ христіанской нравственности, и религіозно-нравственныя чтенія внѣ храма, въ школѣ или читальнѣ. Сверхъ церковной проповѣди и народныхъ чтеній въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ настоящее время требуется для зоркаго наблюденія за религіозно-нравственнымъ

состояніемъ паствы—періодически въ назначенные дни *навѣщать всѣ деревни* своего прихода для задушевной отечески—дружеской бесѣды съ пасомыми по поводу современныхъ вѣяній и для назидательнаго чтенія, чрезъ что нравственное вліяніе пастырей на народъ будетъ упрочиваться все сильнѣе и ощутительнѣе, и всякой пропагандѣ будетъ отрѣзанъ доступъ. Само собой понятно, что на народныхъ чтеніяхъ необходимо по временамъ раздавать народу листки противъ современныхъ лжеученій и пороковъ, какими страдаетъ населеніе.

Въ современномъ обществѣ, съ развитіемъ ума и стремленіемъ къ другой лучшей жизни, наблюдается распущенность нравовъ: умноженіе пороковъ и усиленіе пьянства. А это налагаетъ на пастырей нравственную обязанность, поддерживая въ пасомыхъ лучшія стремленія, вступить въ активную борьбу съ проявленіями зла. На этомъ поприщѣ дѣятельности духовенства первое мѣсто должно быть отведено борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ, потому что съ уменьшеніемъ пьянства въ тѣсной связи стоитъ уменьшеніе порочности. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ успѣшно ведется борьба съ пьянствомъ, гдѣ организованы общества трезвости, приходская жизнь оживляетъ, прививаются добрые нравы, обнаруживается тенденція безкорыстнаго служенія общему благу. (Тв. Е. В.).

II.

Не подлежитъ спору, что Россія—страна земледѣльческая, и источникъ ея силы и процвѣтанія не въ городахъ, а въ деревнѣ. Наша буржуазія тонетъ въ морѣ крестьянства; нашъ правящій классъ, такъ называемая интеллигенція, оторвался отъ народа, усвоивши, или скорѣе—считая себя усвоившимъ западную культуру, подразумѣвая

подъ нею не только формы быта, но и пресловутое свободомысліе или либерализмъ, сущность котораго заключается въ отрицаніи христіанства, какъ вѣры и основы жизни. Эта интеллигенція считаетъ себя способной и призванной направлять дальнѣйшую жизнь русскаго народа, вывести русское государство изъ того глубокаго разстройства и безсилія, къ которымъ она же его привела своею безпочвенностью и стремленіемъ навязать народу чуждыя ему формы быта и государственнаго устроенія. Между тѣмъ, прочный поряд къ и политическая сила того или другого народа вырастаютъ постепенно изъ глубины народнаго духа, создаются всѣмъ ходомъ его исторіи, которая представляетъ медленный и тяжелый путь развитія и не терпитъ скачковъ. Сила и мощь русскаго государства до сихъ поръ покоились на народѣ, т. е. на деревенской массѣ, на ея производительномъ трудѣ и исторически сложившихся понятіяхъ о власти и законѣ. Понятія эти образовались подъ непосредственнымъ вліяніемъ вѣры во Христа, запечатлѣны христіанскою кротостью и терпѣніемъ. Интеллигенція наша, сама заимствовавшая все, что въ ней сохранилось человѣчнаго, изъ христіанства, старается привить народу эгоизмъ и только и твердитъ ему о его правахъ, которыя сама-же нарушаетъ. Однако попытки интеллигенціи овладѣть душою народною, всѣ эти опрощенія и хожденія въ народъ, на которыя послѣдній смотритъ, какъ на блажь людей, не умѣющихъ, или не желающихъ заняться настоящимъ дѣломъ, имѣли мало успѣха и не поколебали устоевъ народной жизни, т. е. главнымъ образомъ не вытравили изъ народа вѣры во Христа и христіанскихъ понятій. Съ нескрываемой злобой либеральная интеллигенція должна сознаться, что душа народа и теперь принадлежитъ Церкви и ея священнику котораго она такъ презираетъ и

старается унизить, т. е., выражаясь точнѣе, принуждена признать, что христіанская вѣра, сплотившая и создавшая силу русскаго народа, и до сихъ поръ служитъ основою его жизни. Присматриваясь къ жизни нашей деревни, не трудно придти къ убѣжденію, что священникъ составляетъ въ ней почти единственную умственную силу, которой принадлежитъ рѣшающее значеніе во всѣхъ дѣлахъ ея обитателей. Онъ является главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ деревенской массы, ему можетъ принадлежать почти и проведеніе всякаго предпріятія, направленнаго на улучшеніе ея быта матеріальнаго и просвѣщенія духовнаго. Но не слѣдуетъ скрывать, что такое положеніе вершителя дѣлъ деревни можетъ имѣть только тотъ священникъ, который снискалъ довѣріе своихъ прихожанъ. А это довѣріе даромъ не дается и требуетъ большихъ трудовъ и усилій, чтобы его завоевать. Въ силу историческихъ обстоятельствъ, разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ далеко, положеніе священника въ нашемъ селѣ стало на дѣлѣ приближаться къ положенію чиновника по духовной части. Это положеніе стѣснило и сузило дѣятельность священника, часто заставляетъ его дѣйствовать вопреки своему назначенію и лишаетъ его во многихъ случаяхъ довѣрія прихожанъ. Но настало время, когда историческій ходъ событій повелительно требуетъ отъ нашего духовенства явиться тѣмъ, чѣмъ оно должно быть по идеѣ своего высокаго служенія и по требованію своихъ земныхъ интересовъ. Характеристическая особенность переживаемаго нами момента—призваніе крестьянской массы къ политической жизни и къ дѣятельному участію въ своемъ устроеніи. Съ земледѣльческаго класса снята, наконецъ, опека, онъ признанъ, наравнѣ съ другими сословіями, совершеннолѣтнимъ и долженъ взять свою судьбу въ собственныя руки. Мало того,

горькимъ опытомъ все мыслящее въ Россіи и желающее блага своему отечеству пришло къ убѣжденію, что въ благоустройствѣ и процвѣтаніи деревни лежитъ корень и основа государственнаго благополучія и силы страны. Съ неменьшей ясностію доказано, что мелкой земской единицей долженъ быть приходъ. Понятіе прихода—исконное, старинное, русское (да и не русское только) опредѣленіе первоначальной основы всякой общественности и государственности. Оно предполагаетъ извѣстную населенную территорію, имѣющую религіозный центръ, ибо религія, какъ бы ни старались затемнить въ наше время это положеніе, является главнымъ связующимъ звеномъ между людьми на всѣхъ стадіяхъ развитія человѣческихъ обществъ. Вокругъ церкви—погоста зародилась и крѣпла культура Руси, монастыри занесли ее въ дремучіе лѣса и дебри сѣвера къ дикимъ финнамъ. И теперь, какъ тысячу лѣтъ назадъ, долженъ Россію вывести на прямую дорогу и спасти самодѣятельный и благоустроенный приходъ. Кто же долженъ оказаться главнымъ дѣятелемъ и руководителемъ прихода, кому въ наши времена можетъ принадлежать по крайней мѣрѣ главная роль въ немъ? Давно уже началось бѣгство изъ деревни вольное и невольное прежнихъ ея владыкъ—помѣщиковъ въ города, а теперь оно усилилось, и не далеко время, когда крестьянскій банкъ закончитъ ликвидацію дворянскаго землевладѣнія, по крайней мѣрѣ—средняго. Теперь у насъ единственный устойчивый землевладѣлецъ—Церковь; ея земли ни продать, ни заложить нельзя, и до тѣхъ поръ, пока не будетъ поколеблено право собственности Церкви (а нужно полагать, что здравый смыслъ и чувство справедливости русскаго народа этого не допустятъ), священникъ, церковный землепользователь, будетъ стоять во главѣ сельской общины, какъ гражданскій ея членъ.

Если къ этому прибавить, что священникъ представляетъ главную, почти единственную интеллектуальную силу деревни, то можно сказать, не рискуя впасть въ гиперболическій тонъ, что духовенству открывается спасительная роль не въ духовномъ только смыслѣ. Но для этого нужно безраздѣльно слиться съ деревней, въ которую Промыслъ послалъ священника, и не отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ ея темныхъ обитателей. Необходимо усвоить взглядъ, что процвѣтаніе и благополучіе прихожанъ есть основа и залогъ благосостоянія ихъ пастыря, что въ ихъ достаткѣ—сила и крѣпость прихода, ибо нищета влечетъ за собой невѣжество, вражду и злобу, а слѣдовательно и безсиліе. Священникъ долженъ направить свою дѣятельность къ тому, чтобы сдѣлать свой приходъ самодовлѣющей общественной единицей, такъ, чтобы онъ представлялъ возможность удовлетворенія запросамъ и нуждамъ его членовъ не только душевнымъ и умственнымъ, но и матеріальнымъ. Настала пора организовать крестьянство, какъ самостоятельную гражданскую силу, и—горе Церкви, горе Россіи, если духовенство, стоящее всего ближе къ народу, уклонится отъ участія въ этой организаціи на евангельскихъ началахъ.

(Вол. Еп. В.).

III.

Только что пережитые годы *освободительнаго движенія* такъ мрачны, такъ безотрадны, что хочется поскорѣе отдѣлаться отъ ихъ гнетущаго впечатлѣнія. Хочется вѣрить въ лучшее, въ свѣтлое будущее. Хочется сказать, что не далекъ тотъ часъ, когда весна, *настоящая весна* придетъ къ намъ и своимъ теплымъ живительнымъ дыханіемъ пробудитъ молодую жизнь, жизнь здоровую, вѣрящую въ дѣйствительные идеалы, а не въ утопіи, вдохновляемую

творчествомъ, а не жаждой уничтоженія, движимую любовью, а не ненавистью.

И такъ-ли безотрадна современная дѣйствительность, чтобы мы при взглядѣ на нее могли лишь печально поникнуть своей головой? Нѣтъ, въ ней начинаютъ, наконецъ, проглядывать такія явленія, на которыя нельзя не посмотрѣть, какъ на залогъ лучшаго будущаго.

Такъ, прежде всего нельзя не отмѣтить того факта, что теперь начинаютъ понимать значеніе и силу религіозной вѣры. Даже сторонники *освободительнаго движенія* теперь начинаютъ говорить, что оно провалилось и не дало ожидаемыхъ отъ него плодовъ потому, что не соединялось съ религіозной жизнью народа. Послѣ недавняго увлеченія грошевыми брошюрками, въ которыхъ предлагалось выбросить вѣру за бортъ, какъ лишній балластъ, такое заявленіе, несомнѣнно,—фактъ огромной важности.

А вотъ и еще одно радостное явленіе. 30 декабря въ Москвѣ, съ рѣдкой торжественностью состоялось открытіе Златоустовскаго религіозно-философскаго Кружка учащихся. Кружокъ ставитъ цѣлью содѣйствіе распространенію религіозно-философскихъ идей среди учащейся молодежи въ духѣ Православной Церкви. Для достиженія этой цѣли Кружокъ будетъ устраивать лекціи на религіозныя темы съ духовнымъ пѣніемъ; затѣмъ Кружокъ ставитъ задачей изученіе свято-отеческихъ твореній. На собраніяхъ Кружка будетъ читаться слово Божіе и избранныя мѣста изъ твореній св. отцовъ.

Нужно-ли говорить, какъ свѣтло становится на душѣ при чтеніи этого извѣстія, послѣ всѣхъ тѣхъ безобразныхъ явленій, какія совершались въ школьномъ мірѣ.

Да, есть надежда на лучшее будущее. Сгустившіяся надъ нашей родиной черныя тучи разорвались, въ просвѣ-

тахъ видны кусочки голубого неба. Скоро, нужно надѣяться, проглянетъ и солнце. (Н. Ц. О. Вѣстн.).

Типы православно-русскаго духовенства въ современной литературѣ [1]).

На грустныя думы наводитъ портретъ „*Священника*“ въ изображеніи Д. Крачковскаго („Акварельные рисунки“ въ журн. „Трудовой Путь“ 1907 г. № 7). „Въ дѣтствѣ, говоритъ авторъ, я боялся священника. Онъ представлялся очень толстымъ, очень сердитымъ, а ряса его всегда какъ то неприлично облекала высокій и тяжелый животъ. Онъ читалъ непонятныя молитвы, которыя не радовали, а смущали маленькое дѣтское сердце. Онъ всегда косился на руки отца и матери, въ которыхъ были зажаты серебряные рубли, а когда эти рубли переходили въ его руки, непростительно—поспѣшно уходилъ изъ дому.... Вотъ и теперь по широкой улицѣ села идетъ священникъ.... Тотъ-же, тотъ-же православный русскій священникъ, который ходилъ по улицамъ своего села и при Іоаннахъ, при Петрѣ, при Александрахъ, тотъ-же, тотъ-же православный русскій священникъ, который проходилъ свою науку въ бурсѣ и семинаріи, который ѣлъ материнскія лепешки, носилъ сапоги съ заплатами и рыжими голенищами, въ свое время пускалъ змѣя съ тряпичнымъ хвостомъ, и въ свое время нашелъ невѣсту—жену гдѣ-нибудь за плетнемъ другого дома.... Тотъ-же, тотъ-же, православный русскій священникъ, который въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ придумалъ только грязную рясу, рыжіе сапоги, сутяжничество

[1]) Окончаніе. См. № 5-й.

съ своими односельчанами, безпорядочное чтеніе въ церкви, слушая которое, кричатъ маленькія дѣти и выводятъ изъ терпѣнія блѣдныхъ матерей"...

Тяжелая страница! ... Невольно выступаютъ слезы на глазахъ при чтеніи ея. Обидно, горько становится за большинство (и громадное) русскихъ пастырей... Неужели твоя, многострадальный русскій священникъ, историческая роль ограничилась только грязною рясою и сутяжничествомъ? Нѣтъ. Не вѣримъ мы автору-его портретъ „*Священника*"... *не фотографическій*...

Опуская отцовъ—Михаила, служившаго „по разному" панихиды [1]) и говорившаго страшныя слова прихожанамъ; Спиридона и Сѣдалина, вѣрныхъ (въ ковычкахъ) слугъ архіерея [2]), безымянныхъ изъ анекдотическаго дневника Г. Авненкова [3]); бывшаго дьякона—пьяницу [4]), о. Василія—типичнаго чиновника [5]) и мн. друг., остановимся, въ заключеніе, на разсказахъ: Толшемскаго „*Большое затрудненіе*" [6]), Кумова „*Степной батюшка*" [7]) и М. Т. „*Тяжелый крестъ*" [8]), герои которыхъ вносятъ хотя нѣкоторую свѣтлую струю въ рядъ очерковъ и разсказовъ, касающихся нашего духовенства.

О. Ѳома въ разсказѣ Толшемскаго, отставной педагогъ, получившій мѣсто домоваго священника въ С.-Петербургѣ, столкнулся однажды съ фактомъ, заставившимъ его

---

[1]) *Быстрова С.* „Старухи", раз. въ „Трудов. Пути" 1907 г. № 7.

[2]) *Степаница Б.* „Забалдаевскій классикъ" въ „Современ. Мірѣ" 1907 г. № 12.

[3]) „Тринадцатый поросенокъ" въ журн. „Историч. Вѣстникъ" 1907 г. № 11.

[4]) *Подвячева.* „У старовѣровъ" въ „Русск. Богат." № 9.

[5]) „*Трудная задача*" въ ж. „Христіанинъ" № 11.

[6]) „Звонарь" 1907 г. іюль.

[7]) „Отдыхъ Христіанина" 1907 г. № 10.

[8]) „Странникъ" 1907 г. № 7—8. Ср. „Горюны" въ № 11 того же журнала.

глубоко призадуматься. Къ нему на исповѣдь пришла интеллигентная особа и покаялась въ нарушеніи седьмой заповѣди. По долгу пастыря, о. Ѳома старается убѣдить свою духовную дочь—больше не грѣшить, старается вывести ее на путь покаянія, самъ мучается ея грѣхомъ, жалѣетъ ее, готовъ былъ бѣжать къ ней и „со слезами, на колѣняхъ, умолять ее, чтобы она сознала гнусность своего поведенія и дала предъ Богомъ обѣщаніе больше не грѣшить", молится за нее.. Убѣжденія его подѣйствовали не сразу О. Ѳомѣ пришлось употребить въ отношеніи своей духовной дочери чрезвычайную мѣру—не допустить ея къ причастію. Какъ мучался послѣ этого о. Ѳома! Но за то и радость какая была ему, когда заблудшаяся раскаялась въ своемъ грѣхѣ, съ обѣщаніемъ начать новую жизнь. Серьезно исполнилъ о. Ѳома свой долгъ пастырскій, и Господь помогъ ему совершить доброе дѣло. О, если бы всѣ пастыри шли его дорогою!...

Проста, незатѣйлива жизнь „*Степного батюшки*" о. Василія. Тихо, незамѣтно идетъ онъ своею дорогою. Безъ лишнихъ, шумливыхъ разговоровъ творитъ онъ свое пастырское дѣло. „О. Василій",—старый деревенскій священникъ. Въ городѣ вы сразу узнаете его по спокойнымъ, тихимъ, какъ лѣсное озерцо, глазамъ, по ровнымъ, никогда не волнующимся линіямъ лица, по неторопливой, степенной походкѣ. Если вы встрѣтите его гдѣ-нибудь въ большомъ шумномъ обществѣ, на васъ сразу повѣетъ деревней, степью, бѣдной деревянной церковкой... Онъ—дитя своей степной глуши, кроткій пѣвецъ заброшенной деревни и далекихъ полей... И говоритъ онъ медленно, ровно, точно вѣтерокъ по вершинамъ садовыхъ вербъ"... „Коренастый, плотный, съ большой, начинающей сѣдѣть бородой, онъ какъ то удивительно пахнетъ деревней, глушью, травою...

Я люблю, говоритъ авторъ, такіе типы: откуда то издалека пришелъ онъ и поселился въ хуторкѣ, въ низенькомъ старозавѣтномъ домикѣ... Кругомъ него степь, бѣлесоватые курганы, церковка, вся въ степныхъ запахахъ, заросшая мохомъ и травами, кругомъ него земля—чистая, благовонная, кроткая, богатая глубокимъ тучнымъ черноземомъ, съ своими вѣковыми пѣснями, преданіями, вѣрованіями.... Онъ пришелъ, раскрылъ свое евангельице и началъ учить. Онъ учитъ, а земля тихо живетъ своею жизнью, покрытая нивами, лугами, курганами... Какъ клубы утренняго тумана, поднимаются надъ нею старыя преданія, пѣсни, вѣрованія и окутываютъ тѣхъ, которые живутъ въ поляхъ, лугахъ, на курганахъ... Онъ учитъ, а солнышко поднимается изъ-за озера, пробѣгаетъ свой дневной путь и падаетъ куда то въ бездну... Травы цвѣтутъ, колосятся хлѣба, курганы встаютъ—думные и тихіе, чирикаютъ птицы.....

И среди земли, среди ея вѣрованій, преданій, пѣсней поднимается деревянная церковь, одѣтая мхами и травами. Поднимается, какъ тотъ же степной курганчикъ, и позваниваетъ, и звоны отдаются въ степи, лугахъ, на курганахъ..... Когда путникъ ѣдетъ по безконечной степной дорогѣ и вдругъ, на поворотѣ, блеснетъ предъ нимъ церковка и откроются убогія хатки, онъ увезетъ въ своей душѣ смѣсь степи, дороги, церковки, села.... Но удивительно, какъ гармонично слилось все это вмѣстѣ—простая церковка и земля—тучная, глубокая, съ своими повѣрьями и пѣснями... Онъ учитъ, а тихое ученіе сливается съ тихимъ днемъ, тихими полями, тихимъ селомъ... Самъ не замѣчая того, онъ сливается съ землею—кроткою, благовонною, чистою... Тихое ученіе обрамляется травкою, цвѣтами, курганами; лучъ солнышка, ласковый и кроткій, горитъ на немъ, какъ алмазъ, и въ тиши степей, на лонѣ

земли, совершается чудо: кроткое ученіе претворяется въ землю и земля претворяется въ кроткое ученіе... И стоитъ онъ въ непонятномъ удивленіи, видя, что его маленькое евангельице вдругъ разрослось, и уже степи, луга, курганы полны имъ... Священнымъ вдохновеніемъ объятый, онъ вдругъ дерзновенно начинаетъ листать эти новыя великія страницы—степи, луга, курганы, и видитъ, что они—святое кроткое ученіе.... Онъ падаетъ пораженный, и въ первый разъ, тихо, безъ словъ, поетъ пѣсню великому Богу, онъ, глава природы, а степи, луга, курганы подпѣваютъ ему....

И стоитъ, въ зеленой великой степи, убогая церковочка, съ серебряными колокольцами, и позваниваетъ, и уже то не люди звонятъ, а сама земля, черноземная, благовонная, чистая, одѣтая цвѣтами и травами, и батюшка палъ ницъ предъ престоломъ, какъ первосвященникъ людей и земли, и подъ звоны, подъ шелестъ степи, поетъ кроткую, великую пѣсню святому небу"...

Чѣмъ заполняетъ свой досугъ „Степной батюшка"? Тѣмъ ли, чѣмъ герои „Непутеваго дьякона", „Стерляди"?.. Къ нашей радости—нѣтъ и нѣтъ. У него два любимыхъ дѣла—цвѣты и скрипка. И какъ нѣжна его любовь къ цвѣтамъ! Можетъ быть, нѣкоторые даже усмѣхнутся надъ нѣжною любовью къ цвѣтамъ священника-старика, но да обратится смѣхъ ихъ на самихъ себя.... А скрипка? Только отдаваясь всею душою ей, можно играть такъ, какъ игралъ о. Василій. „Настроилъ. Взялъ смычекъ, распахнулъ окно и повелъ по струнамъ—тихо, робко, какъ шелестъ дождя. Тонкая нотка прозвучала въ комнаткѣ и оборвалась. Потомъ еще нотка чуть-чуть посмѣлѣе, еще и еще—все тверже, властнѣе. И вдругъ, незамѣтно, маленькій кабинетикъ весь наполнился звуками.... Одинъ за однимъ, не

переставая, бросалъ онъ, старый степной батюшка, короткіе музыкальные звуки, и они пѣнились, звенѣли, разсыпались, какъ струи чистаго лѣсного родника... Это было вдохновеніе—свѣтлое, оригинальное, немного скорбное, какъ тоска, но полное глубокихъ душевныхъ тайнъ.. Подъ дождикъ, подъ тихую ночь старый батюшка распускался въ тихой скрипичной пѣснѣ, какъ ночной цвѣтокъ.... Я облокотился на подушку и слушалъ—пораженный, а онъ игралъ, въ глубокомъ ночномъ вдохновеніи.... Скрипка пѣла, какъ живая, пѣла про степи, про степной вѣтеръ, про густыя зеленыя травы.... Потомъ остановилась, взяла ноту выше, страстнѣе, и запѣла, чуть прикасаясь къ струнамъ, нѣжно, хрустально, о чемъ то далекомъ, что было когда то, молодомъ, свѣтломъ, яркомъ, какъ молодость. Она скакала, порывистая, на своихъ коротенькихъ стрункахъ, и выбивала чистую веселую радость. Потомъ упала и зашумѣла тяжелыми струнами, и вдругъ прорѣзалась острыми высокими нотками, свѣтлыми, какъ лучъ солнца... И я понялъ, что это городъ: большой, веселый, шумный, гдѣ много народа, много веселыхъ пѣсней, много радостей.... А скрипка поднималась выше, выше, острая, тонкая, какъ страданіе, и видѣлъ я: куда то въ глубь опускается большой шумный городъ съ своими пѣснями, огнями, радостями, словно въ бездонное сказочное озеро, и вотъ погрузился, и озерная волна заходила надъ нимъ, просторная и одинокая. А струна все напряженнѣе, вотъ поднялась на заоблачную высоту, пустынная и тоскующая, и вдругъ запѣла. Какъ запѣла! Слаще, мучительнѣе я никогда ничего не слышалъ. Любовь, одиночество, порывы къ счастью, какія то невѣдомыя молодыя нотки, которыя слышишь только въ юности,—все слилось вмѣстѣ, все пѣнилось, какъ бурный искрометный пѣнный родникъ... Слаще, мучительнѣе я никогда ничего не слышалъ“....

Такъ играть можетъ только тотъ, кто чистъ душою! А чистая душа—вѣрный залогъ успѣха въ каждомъ дѣлѣ, а особенно—въ пастырскомъ.... Не забывайте, пастыри, старенькаго „Степного батюшки“ съ его цвѣточками, скрипкою.... его душою....

Въ разсказѣ М. Т. „*Тяжелый крестъ*“ выведенъ молодой батюшка о. Алексій, лишившійся жены. „Одинъ на всю жизнь!“ Какая трагедія въ этихъ четырехъ словахъ! „Темно. Въ домѣ о. Алексѣя видѣется у стола склоненная голова... Кто-то сидитъ и плачетъ“.... Хочется вмѣстѣ съ этимъ „Кто-то“ (о. Алексіемъ) плакать, нѣтъ... не плакать только, но и рыдать...

Вопросъ о второбрачіи духовенства очень сложный. Много и защитниковъ второбрачія, но еще больше, кажется, его противниковъ. Не мало статей появилось по данному вопросу въ литературѣ—есть и совершенно безпристрастныя, много и фарисейско-слащавыхъ. Положительнаго же рѣшенія ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ пока нѣтъ. Нельзя не выразить пожеланій, чтобы надъ этимъ вопросомъ подумали *всѣ*: и наши іерархи, и канонисты, и бѣлое духовенство.... Только сообща, общимъ голосомъ всей Церкви, можетъ быть онъ рѣшенъ, только рѣшеніе Собора Русской Церкви можетъ имѣть силу и значеніе.

Можно было бы привести еще нѣсколько образцовъ изъ новѣйшей литературы о нашемъ духовенствѣ, но, думается, достаточно и указанныхъ, чтобы сдѣлать выводъ.

Въ своемъ первомъ очеркѣ (Пенз. Епарх. Вѣд. 1907 г. № 15) мы говорили: „Какою мелочною, пустою должна показаться жизнь нашего духовенства тѣмъ, кто знакомится съ нею только по современнымъ литературнымъ произведеніямъ... Пустая жизнь, пустыя рѣчи, безсмысленное препровожденіе времени“... Теперь приходится повторить

то же самое. И невольно хочется провести параллель между литературными произведеніями нашихъ русскихъ писателей о православномъ духовенствѣ съ произведеніями писателей иностранныхъ о своихъ пасторахъ и ксендзахъ. Для примѣра укажемъ на два послѣднихъ [1]) произведенія: Шельдана „*Подъ шлемъ Христовымъ или распятіе Филиппа Стронга*“ [2]) и Ибсена „*Брандъ*“. [3])

Въ первомъ главнымъ героемъ является пасторъ Стронгъ, человѣкъ идеально настроенный, образованный, съ чуткимъ, отзывчивымъ сердцемъ, твердый и рѣшительный въ своихъ дѣйствіяхъ. Когда представляется ему случай сдѣлать выборъ перваго самостоятельнаго прихода, то онъ идетъ не туда, гдѣ легче, гдѣ обезпеченнѣе, гдѣ почетнѣе, а туда—гдѣ больше дѣла, гдѣ, по его думамъ, онъ будетъ наиболѣе полезнымъ. Выборъ его палъ на приходъ съ населеніемъ фабричнымъ. Паства о. Стронга—съ одной стороны, богатые фабриканты, съ другой—рабочіе; у однихъ роскошь до излишества, а другіе погрязаютъ въ грязи.... Прибавьте къ этому: пьянство, развратъ, болѣзни, необходимая принадлежность всѣхъ фабричныхъ городовъ, и вы представите тогда—какъ много труда предстояло энергичному пастору, чтобы хотя нѣсколько охристіанизовать своихъ духовныхъ дѣтей. Но пасторъ Стронгъ не боится труда, для него нѣтъ опасностей—ради своего пастырскаго дѣла онъ забываетъ все окружающее, забываетъ самого себя. Предъ нимъ одинъ образецъ—Христосъ; предъ нимъ одинъ законъ—Его святое Евангеліе. Только Христа боит-

[1]) „Брандъ“ написанъ авторомъ въ 1865 г., но въ Россіи сдѣлался извѣстнымъ только въ послѣдніе два года.

[2]) „Отдыхъ Христіанина“ 1907 г. №№ 5—12. Переводъ съ англійскаго.

[3]) Переводъ Ганзена. Москва.

ся онъ оскорбить своими дѣйствіями; только съ Его ученіемъ согласуетъ онъ свою жизнь. „Какъ сдѣлалъ бы Христосъ, если бы былъ въ моемъ положеніи“—вотъ мѣрило его пастырской работы... Пасторъ Стровгъ не выдерживаетъ въ концѣ-концовъ тяжести креста, поднятаго имъ на свои плечи, но и не отступаетъ отъ него. Онъ умираетъ вѣрнымъ самому себѣ, распятый безсердечіемъ и эгоизмомъ своихъ братьевъ, своей паствы. Онъ умеръ, завѣщавъ своею жизнью „докончить то, что началъ и чего не успѣлъ онъ докончить“. И справедливы слова „брата—человѣка“: —„Нѣтъ, онъ не умеръ! Онъ живъ, онъ водрузился только въ чертогахъ славы у Господа!“...

Брандъ Ибсена—пасторъ же. Сначала онъ является въ роли молодого, безмѣстнаго священника, человѣка очень серьезнаго, чувствующаго въ себѣ особое призваніе—сказать людямъ новое слово. Самое призваніе свое Брандъ видитъ въ борьбѣ съ человѣческимъ легкомысліемъ, тупомысліемъ и безсмысліемъ. Результатъ его работы—желаніе создать новыхъ, совершенныхъ, цѣльныхъ, чистыхъ людей. Желая возможно шире осуществить свое призваніе Брандъ твердо идетъ впередъ, рвется „горячо на бой“....

Съ какими же средствами выступаетъ „на бой“ къ достиженію своей цѣли Брандъ? Его средство радикальное —измѣнить совершенно весь установившійся строй жизни и замѣнить его новымъ, совершеннымъ. Въ такомъ духѣ онъ стремится переродить, перевоспитать свой приходъ. И не безъ успѣха онъ работаетъ первое время. Прихожане окружаютъ его любовью и чутко прислушиваются къ каждому слову своего пастора. Вліяніе Бранда съ каждымъ днемъ ростетъ все больше и больше. Личное его горе, семейныя невзгоды еще сильнѣе заставляютъ его отдать всѣ свои силы пастырскому дѣлу, тверже и непреклоннѣе идти къ намѣченной цѣли.

Но нравственною поддержкою со стороны своей паствы Брандъ пользовался недолго. Для толпы непонятны были идеалы молодого пастора; смѣшнымъ казался ей лозунгъ Бранда „все, иль ничего“; труды и лишенія при достиженіи цѣли, намѣченной Брандомъ, устрашили ее; стремленіе къ небу приносится въ жертву земнымъ привязанностямъ..... Толпа оставляетъ Бранда. Но „Брандъ, однако, остается вѣрнымъ себѣ, онъ готовъ снова пройдти весь тотъ путь борьбы и муки, ибо сознаетъ, что шелъ вѣрнымъ путемъ, какимъ *долженъ* былъ идти. Онъ человѣкъ правды и свободы, а такому не отъ чего отрекаться, нечего желать измѣнить въ своей жизни“ (изъ предисловія къ „Бранду“).

Вотъ въ самыхъ краткихъ словахъ сущность произведеній Ибсена и Шельдона, характеристика ихъ героевъ. Сравните теперь два указанныхъ нами произведенія съ десятками нашихъ русскихъ повѣстей и разсказовъ, прежняго и новаго времени, касающихся духовенства. Какая глубокая разница между ними! Какъ содержательны первые! Какъ серьезны ихъ герои! Не о стерлядяхъ, не о полыновкахъ да наливочкахъ; не о лошадяхъ да курочкахъ въ нихъ рѣчь, не объ этомъ они мечтаютъ. Ихъ постоянная дума—пастырское дѣло, жизнь по Евангелію; ихъ мечта—Христосъ; ихъ задача—и самимъ быть истинными послѣдователями великаго Пастыреначальника, да и паству свою привести къ Нему же.

И понятно, почему прозведенія нашихъ русскихъ писателей, въ громадномъ своемъ большинствѣ, только прочитываются, скорѣе—пробѣгаются и быстро забываются, какъ самые обычные веселые анекдоты; „Брандъ“ же, напр., не забудется никогда. Герои первыхъ—смѣшны, предъ Брандами и Стрингами невольно преклоняешься, увлекаешься ихъ энергіею, умомъ, ихъ идеалами. Куда ни повелъ бы насъ

Брандъ—скорѣе онъ можетъ увлечь за собою даже своими иногда несбыточными мечтами, чѣмъ герои разныхъ „Стерлядей“ и подоб. И неудивительно, если о Брандѣ говорятъ, спорятъ, пишутъ, читаютъ лекціи, а разсказы, подобные „Соломонову рѣшенію“, „Стерляди“ и др., повторяемъ, только пробѣгаются, служа для враговъ Церкви и ея служителей веселымъ анекдотами, а истиннымъ сынамъ ея доставляя жгучую сердечную скорбь. Да не подумаетъ кто, читая наши строки о пасторахъ инославныхъ, что мы указаннымъ сравненіемъ желаемъ унизить нашихъ русскихъ пастырей. Нѣтъ и нѣтъ... Бросить камень въ наше духовенство найдется, да и находится, много охотниковъ и безъ насъ—изъ людей, не любящихъ церковнаго дѣла, не видящихъ ихъ пастырскихъ трудовъ, страданій, бѣдности, униженій. Но не будемъ и самоувѣренны, горделивы слишкомъ; пусть въ жизнь нашихъ пастырей войдетъ все хорошее, доброе, идеальное,—откуда бы оно ни шло.

С. Артоболевскій.

Библіографическія замѣтки.

Новые духовные журналы въ 1908 году. Въ настоящемъ году появилось нѣсколько новыхъ духовныхъ журналовъ: *Лучъ Свѣта*, *Живая Жизнь*, *Церковно-Общественная Мысль*, *Церковь*, и *Монастырь*. Въ настоящей замѣткѣ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ новыхъ изданій.

Прежде всего о журналѣ *Церковь*. Въ объявленіи не было напечатано, что это—журналъ старообрядческій. Естественно, что умолчаніе это не случайное. Хотѣлось завлечь побольше подписчиковъ среди духовенства. 1 № журнала

Церковь вполнѣ доказалъ, что журналъ этотъ старообрядческій, такъ что и въ самомъ оглавленіи журнала прямо уже указано это слово. Оказалось, что онъ издается вмѣсто окончившаго свое существованіе журнала „Слово Правды" и вполнѣ соотвѣтствуетъ его духу и направленію. Та же настойчивость и неприличная брань по адресу православной церкви, стремленіе всячески опорочить ея строй и ея служителей и возвысить старообрядцевъ, какъ обновителей церковной старины и порядка, о чемъ въ особенности свидѣтельствуетъ печатаемая съ № 4 статья Пругавина *Страдальцы за вѣру* (старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости). На направленіе этого журнала уже обращено вниманіе и редакторъ привлекается къ отвѣтственности за кощунство. Новый членъ старообрядческой церкви, бывшій архимандритъ Михаилъ состоитъ въ ней самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ. Въ 1 № помѣщенъ даже его портретъ въ новомъ его иноческомъ старообрядческомъ костюмѣ. Замѣтимъ о его ученыхъ пріемахъ писательства. Въ № 1 помѣщена его статья—*Въ защиту старообрядчества*, въ которой между прочимъ безъ всякихъ доказательствъ архіеп. Волынскій Антоній величается еретикомъ антитринитаріемъ. Въ № 2 помѣщена его же статья —*Нужны ли догматы?*, гдѣ воспроизводятся мысли архіеп. Антонія изъ его сочиненій (т. 2-й стр. 5—30), причемъ списываются цѣликомъ не однѣ мысли, но и слова того самаго архіеп. Антонія, котораго онъ въ № 1 назвалъ еретикомъ, и не указывается, откуда они взяты (Кол. 583). Въ № 6 еще есть его же статья *Въ защиту обрядовъ*. Но что удивительно,—въ *Церкви* помѣщаетъ свои статьи Папковъ (изслѣдованіе о старо-русскомъ приходѣ), православный человѣкъ и членъ бывшей Предсоборной Коммиссіи; его участіе въ журналѣ, столь враждебномъ къ православной церкви, весьма странно.

Другой журналъ—*Церковно-Общественная Мысль*, Москва, подъ редакціею Н. А. Толстого. Журналъ этотъ издается при участіи ученыхъ богослововъ нашего свѣта, выдающихся профессоровъ дух. академій и лицъ духовенства. Журналъ будетъ религіозный въ строго *христіанскомъ* духѣ. Онъ будетъ научный, въ немъ будутъ обсуждаться вопросы богословско-философскіе и научно-религіозные и всѣ модныя теоріи и противныя Христовой церкви вѣянія безжалостно критиковаться. Онъ будетъ соціально-политическій—всѣ событія внутренней и внѣшней жизни будутъ въ немъ разсматриваться съ точки зрѣнія Христова ученія. Особенное преимущество будутъ имѣть вопросы, касающіеся Всероссійскаго Церковнаго Собора, а также результаты коммиссій церковной и вѣроисповѣдной въ Государственной Думѣ. Цѣна ему 6 руб. Первые №№ *Церковно-Общественной Мысли* по внѣшнему виду и формату—точная копія блаженной памяти Казанской *Церковно-Общественной Жизни*; можно было совершенно ихъ смѣшать. Вотъ оглавленіе № 2: Псаломъ 22 (стих.) О комъ пророчествовалъ Исаія.—Отклики на событія дня. Ильинскаго. Соборное начало въ католической церкви. Н. Толстой.—Приходскій Совѣтъ. Членъ Совѣта.—Данилово Урочище. Ив. Бабакина.—Изъ Саратовской епархіи (корресп.) О второмъ бракѣ для духовенства. Св. Т. Б-въ. Двѣ фигуры французскаго епископата. Д. Невскій.—Ложный принципъ. Н. Толстой. Лишеніе сана свящ. Гр. Петрова. Хроника.—Въ ст. *Ложный принципъ* авторъ отмѣчаетъ неправильность главнаго пункта статьи бывшаго архим. Михаила, помѣщенной въ № 1 старообрядческаго журнала *Церковь*, именно будто бы пасомые имѣютъ право самовольно отдѣлиться отъ своего пастыря, обвинивъ его въ ереси. Но по первымъ №№ нельзя судить о направленіи

журнала.—Вскорѣ оказалось, что редакторъ журнала—*Н. Толстой*—теперь католическій священникъ. Читатели должны помнить бывшаго православнаго священника Н. Толстого, студента Моск. Дух. Академіи, убѣжавшаго за границу и присоединившагося въ католичество,—лишеннаго Св. Синодомъ сана. Ясно, что журналъ будетъ издаваться въ духѣ католичества, а не православной церкви. Литературная этика требовала, чтобы редакторъ не скрывалъ своего званія и не вводилъ читателей въ заблужденіе, а оповѣстилъ, что онъ не просто Н. Толстой, а бывшій православный, а теперь католическій священникъ. Теперь понятно подчеркнутое нами въ объявленіи слово *христіанскій*, а не православный.

Третій журналъ *Живая Жизнь*—издается въ Москвѣ, цѣна 5 руб. Ставитъ своею задачею служить торжеству живой жизни. Признавая религію (такъ говорится въ объявленіи) за единый живой источникъ силъ, необходимыхъ для этого торжества, имѣя свои надежды, вѣрованія и теоретическіе взгляды, журналъ въ то же время будетъ отличаться самой широкой терпимостью. Настоящій моментъ требуетъ не только религіозной практики, но и религіозно умозрительнаго углубленія, а потому необходима совмѣстная работа представителей самыхъ различныхъ религіозныхъ направленій. Въ № 2, напр., помѣщены въ *Живой Жизни* слѣдующія статьи: *Векиловъ*. Вѣчная бодрость.—*В. Розановъ*. О русскихъ богоискателяхъ.—*В. Эрнъ*. Старообрядцы и современные религіозные вопросы.—*А. Ельчаниновъ*. Трагическій звѣринецъ.—*С. Кудрявцевъ*. Идея діаковскаго служенія.—*В. Адлеръ*. Изъ діалоговъ о современности.—*Брихничевъ І.* Къ побѣдѣ путемъ гибели. Религіозно-общественная хроника. Среди газетъ и журналовъ. Новыя книги.—Судя по означеннымъ писателямъ, съ не-

сомнѣнностью нужно полагать, что *Живая Жизнь*—продолженіе прекращеннаго „Вѣка“ и „Церкви и Религіи“, а потому едвали будетъ долговѣчна и дѣйствительно живая. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отдѣлы: религіозно-общественная хроника, среди газетъ и журналовъ и др., составленные въ духѣ покойнаго „Вѣка“.

Лучъ Свѣта, еженедѣльный церковно-общественный журналъ, съ приложеніемъ 12 книгъ „Отдыха“ (повѣсти и разсказы изъ духовнаго быта), 12 выпусковъ „Церковной реформы“ и 24 №№ „Библіотеки Церковнаго реформатора“, съ особыми приложеніями: романа *„Въ семинаріи“*, *Синаксарей Бѣлкова* и даже разныхъ брошюръ на 3 руб. каждому подписчику, съ выдѣленіемъ 5% подписныхъ денегъ въ пользу Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Редакторомъ-издателемъ состоитъ Евгеній Бѣлковъ. Судя по фамиліи редактора, есть связь съ бывшимъ „Звонаремъ“, хотя сильнаго звона (звонарскаго) еще пока въ вышедшихъ 5—6 №№ не видно и не слышно. Очерки современной бурсы *„Въ семинаріи“*, хотя и названы въ объявленіи —рекламѣ „очень интересной книгой“, но, судя по первымъ помѣщеннымъ главамъ, никакого интереса не представляютъ и написаны слишкомъ шаблонно и едва ли интересно.

Не рѣшаемся рекомендовать своимъ читателямъ ни одинъ изъ поименованныхъ журналовъ.

Монастырь. Иллюстрированный ежемѣсячный журналъ для православнаго русскаго монашества, духовенства и для паломниковъ.—Нижній Новгородъ. Въ годъ 2 руб., полгода 1 р. 25 к., отдѣльный №—30 к.

Въ настоящее смутное и крайне тяжелое время, когда религія ослабѣваетъ и люди впадаютъ въ безвѣріе и безбожіе всякое доброе слово, сказанное въ защиту и на поддержку православія и религіозно-нравственнаго духа,

принесетъ свою долю пользы какъ для церкви вообще, такъ и для духа ревнующихъ по благочестію. Посему нужно привѣтствовать вновь появившійся небольшой журналъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, имѣющій цѣлію принести посильную помощь православному человѣку путемъ ознакомленія нашего народа съ бытомъ и современными условіями жизни и положенія русскаго монашества. Журналъ поставилъ своею задачею также обереганіе интересовъ паломничества и русскаго монашества на ближнемъ востокѣ, подробное ознакомленіе православнаго народа съ св. горой Аѳономъ. Журналъ издается по слѣдующей программѣ: статьи по религіознымъ вопросамъ; описаніе св. мѣстъ и достопримѣчательностей св. горы Аѳона, Россіи и Палестины; историческіе разсказы изъ духовно-монастырскаго быта; корреспонденціи съ Аѳона, изъ Палестины и Константинополя; практическія свѣдѣнія для паломниковъ; житія святыхъ подвижниковъ. Съ № 1 началось печатаніе обстоятельной статьи „*Св. Аѳонъ и его пустынныя обители*“. Русская публика мало его знаетъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время про него распространяется не особенно хорошая слава. Потому желательно распространеніе правильныхъ свѣдѣній. Имя редактора его г. Павловскаго, небезъизвѣстнаго составителя путеводителя по монастырямъ, говоритъ въ пользу его изданія.

Трезвые Всходы, ц. 1 руб. С.-Петербургъ. Редакторъ прот. Вл. Галкинъ. Журналъ главной задачей ставитъ борьбу съ пьянствомъ, притомъ не сухими трактатами, а живымъ разсказомъ, простотой намѣренъ ударить онъ по струнамъ сердца людского, увлечь его свѣтлыми образами мучениковъ за трезвое дѣло, оттолкнуть его отъ водки и кабака и изобразить всю глубину зла человѣческой отравы виномъ. Кромѣ того, проповѣдуя походъ противъ пьянства

журналъ намѣренъ въ то же время ратовать за трезвость мысли, трезвость чувства, трезвость настроенія и дѣла. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками 4—6 печатныхъ листовъ, въ годъ составится до 1000 страницъ текста. — Пожелаемъ новому собрату самаго широкаго распространенія. Судя по обѣщаннымъ редакціею статьямъ, можно думать, что журналъ будетъ весьма пригоденъ для духовенства при веденіи внѣбогослужебныхъ чтеній.

ПО ЕПАРХІИ.

На рапортѣ цензора проповѣдей 1-го благочинническаго округа Керенскаго уѣзда резолюція Его Преосвященства послѣдовала, между прочимъ, такова: „Изъ 25-ти священниковъ съ семинарскимъ образованіемъ только 12 представили поученія въ цензуру. Это до крайности прискорбно".

По поводу годичнаго отчета одного благочиннаго послѣдовала такая резолюція Его Преосвященства: „Отчетъ сей служитъ документальнымъ доказательствомъ крайней небрежности его составителя. Послѣднему ставится это на видъ".

По поводу упоминанія о. благочиннымъ 1-го Краснослободскаго округа въ своемъ годичномъ отчетѣ, что главнымъ порокомъ народонаселенія служитъ пьянство и что борьба съ этимъ порокомъ пастырей церкви не имѣетъ успѣха, послѣдовала такая резолюція Его Преосвященства: „О мѣрахъ для борьбы съ пьянствомъ надлежитъ разсудить на пастырскомъ собраніи и затѣмъ дѣйствовать противъ этого страшнаго зла единодушно".

◆ На рапортѣ благочиннаго 4 окр. Город. уѣзда, представившаго программу пастырскихъ собраній и церковно-приходскихъ совѣтовъ, резолюція Его Преосвященства слѣдующая:—„Богъ благословитъ доброе дѣло. Прошу разсудить также на пастырскомъ собраніи о мѣрахъ къ ослабленію пьянства въ народѣ, а затѣмъ—и къ совершенному искорененію этого ужаснаго народнаго недуга". Въ вышеозначенную программу вошли слѣдующіе вопросы: 1) Изысканіе мѣръ къ объединенію окружнаго духовенства въ его пастырской дѣятельности. 2) Урегулированіе отношеній пастыря съ причтомъ и пасомыми. 3) Общій пастырскій контроль надъ сослуживцами: судъ чести. 4) Изысканіе мѣръ къ поднятію религіозно-нравственнаго состоянія прихожанъ. 5) Упорядоченіе совершенія богослуженій и требоисправленій. 6) Оживленіе церковной проповѣди. 7) Изысканіе мѣръ къ охраненію паствы отъ вредныхъ вліяній противо-христіанскихъ ученій.

◆ На рапортѣ одного о. духовника, съ приложеніемъ исповѣдной вѣдомости, послѣдовала такая резолюція Его Преосвященства: „Напомнить о. духовнику, что по вѣдомости о бывшихъ у исповѣди надлежитъ показывать также заштатныхъ священноцерковнослужителей, ихъ вдовъ и сиротствующихъ".

◆ На прошеніи церковника военной церкви, съ приложеніемъ удостовѣренія настоятеля церкви о прекрасномъ поведеніи и твердомъ знаніи симъ церковникокъ псаломщическихъ обязанностей, послѣдовала такая резолюція Его Преосвященства. „Нужды въ подобныхъ просителю кандидатахъ на псаломщическія должности въ Пензенской епархіи не видится".

◆ 5-го октября 1907 года въ Чембарской тюрьмѣ произошелъ пожаръ, при чемъ обгорѣли балки, стропила и

рѣшетники. Пожаръ удалось прекратить благодаря самоотверженнымъ и энергичнымъ дѣйствіямъ быстро прибывшаго на пожаръ діакона соборной Покровской церкви І. М. Рождественскаго. Съ нѣкоторыми другими лицами онъ, съ опасностью для своей жизни, быстро забравшись на потолокъ третьяго этажа, наполнившагося густымъ сильнымъ дымомъ, выбилъ тамъ слуховыя окна и, разломавъ часть желѣзной крыши подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ распространялось пламя, бросилъ конецъ веревки изъ слухового окна черезъ баркасъ и втащилъ на крышу рукавъ пожарной трубы, и только благодаря этому представилась возможность затушить распространившееся уже въ это время въ широкихъ размѣрахъ пламя. За такой подвигъ діаконъ І. М. Рождественскій представляется гражданскимъ Начальствомъ къ награжденію серебряной медалью съ надписью „за усердіе" для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ. Награждаемый имѣетъ уже одну медаль съ надписью „за усердіе" для ношенія на груди на Аннинской лентѣ (награжденъ въ 1900 году) за самоотверженную дѣятельность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при тушеніи пожаровъ, какъ въ г. Чембарѣ, такъ и въ его окрестностяхъ.

Пожертвованіе. Въ Введенскую церковь с. Уды, Саранск. у., къ правому придѣлу во имя св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго мѣстнымъ помѣщикомъ П. А. Огарѣевымъ пожертвованъ иконостасъ.

Лѣтніе педагогическіе курсы. Отъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ послѣдовало предложеніе Пензенскому Епарх. Учил. Совѣту объ устройствѣ наступающимъ лѣтомъ педагогическихъ курсовъ, причемъ рекомендуется обратить преимущественное вниманіе на методику церковнаго пѣнія, церковно-славянскаго языка и на псалмодическое церковно-славянское чтеніе. Пензенскій Епарх. Учил.

Совѣтъ предполагаетъ открыть курсы только для тѣхъ учащихъ въ школахъ одноклассныхъ и грамоты, которые не получили средняго или спеціальнаго образованія, при второклассныхъ школахъ—Каменской женской, Н.-Ломовскаго уѣзда (для учительницъ) и Архангельско-Голицынской мужской, Саранскаго уѣзда (для учителей), съ 10 августа по 5 сентября. Для усовершенствованія же въ церковномъ пѣніи нѣкоторыхъ наиболѣе способныхъ къ тому учителей и учительницъ будутъ командированы на спеціальные пѣвческіе курсы г. Касторскаго, имѣющіе быть въ Пензѣ 15 іюня—25 іюля. И тѣ и другіе курсы обойдутся 2300 р.

Курсы по садоводству. Съ 15 мая по 1 іюля устроятся курсы по садоводству (плодоводству), огородничеству и пчеловодству при Маріинскомъ земледѣльческомъ училищѣ, Саратовской губерніи и уѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ слушателямъ предположено разъяснить характеръ фермскаго училищнаго хозяйства съ состоящими при немъ отраслями, въ краткомъ изложеніи обработки почвы вообще, а также о наиболѣе доступныхъ средствахъ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства.—Учителя церковныхъ школъ Пензенской епархіи приглашаются на помянутые курсы. Пензенскій Епарх. Совѣтъ ходатайствуетъ объ отпускѣ на содержаніе 5 учителей по 50 р. каждому.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Поучительная резолюція. На журналѣ Совѣта Тамбовскаго епархіальнаго женскаго училища, съ отчетами о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денежныхъ суммъ по содержанію училища съ 1-го августа 1907 года и о приходѣ и расходѣ суммъ строительнаго капитала за 1907 годъ,

послѣдовала резолюція Его Преосвященства: „Читалъ и ужаснулся; снова дефицитъ по училищу почти въ 40000 р. Гдѣ найдется та Калифорнія, изъ которой можно достать золото для уплаты этого громаднаго долга!! Зналъ ли въ теченіе года Совѣтъ, что онъ превышаетъ смѣту и живетъ въ долгъ? Справлялся ли онъ со смѣтою, руководился ли ею? Почему наростающій долгъ не былъ замѣченъ своевременно? Почему не приняты были мѣры экономіи хотя бы для остановки его? Ссылка на дешевизну содержанія въ 125 руб. не основательна: семинаристы содержатся на 100 руб. каждый. Пусть обсуждаетъ положеніе дѣла печальное епархіальный съѣздъ и провѣряетъ отчетъ и смѣту ревизіонная коммиссія. Но Совѣту надо отказаться отъ ложной мысли, будто свѣчной заводъ есть курица, несущая золотыя яйца только для училища. Прибыли завода одинаково нужны всѣмъ епархіальнымъ учрежденіямъ Тамбовской епархіи. Грустно читать журналы, подобные настоящему".

Резолюція Рязанскаго епископа. На журнальномъ постановленіи Правленія Рязанскаго духовнаго училища объ исходатайствованіи предъ съѣздомъ о.о. депутатовъ назначенія на второе блюдо (жаркое) по 2 раза въ недѣлю 5 р. 62½ к. на каждаго ученика послѣдовала резолюція Преосвященнаго Никодима: „На жаркое два раза въ недѣлю не согласенъ. У діаконовъ и псаломщиковъ жаркое два раза не употребляется. Да и нужно, чтобы праздникъ былъ отличенъ чѣмъ-нибудь лучшимъ въ пищѣ, а это и есть жаркое. Нужно помнить, что духовенству прихожане убавляютъ содержаніе, и столъ семьи поневолѣ ухудшается. Сообразно съ этимъ слѣдуетъ равномѣрно вести и продовольствіе учениковъ, чтобы они домашнюю жизнь не переставали любить и не привыкали бы предпочитать ей жизнь училищную". Съѣздъ о.о. депутатовъ согласился съ такимъ взгля-

домъ своего архипастыря на дѣло содержанія ихъ дѣтей и отклонилъ ходатайство Правленія училища.

Извѣстный Н. А. Демчинскій обратился къ Рязанскому Преосвященному съ письмомъ, въ коемъ проситъ о возможномъ содѣйствіи къ распространенію среди духовенства грядковой культуры хлѣбовъ. На семъ письмѣ послѣдовала резолюція Преосвященнаго Никодима: „Призываю Уѣздныя Отдѣленія, усердныхъ и дѣятельныхъ отцовъ завѣдующихъ церковными школами, учителей и учительницъ оныхъ школъ, а равно настоятелей и настоятельницъ монастырей со всѣмъ вниманіемъ отнестись къ сему новому способу культуры хлѣбовъ, столь драгоцѣнному въ нашей мѣстности вслѣдствіе малоземелья, и примѣнить его на практикѣ на первое время хотя бы въ небольшихъ размѣрахъ, для опыта, а также для укрѣпленія въ себѣ увѣренности относительно пользы этого новаго и пока неизвѣданнаго еще способа. Въ особенности же рекомендую этотъ способъ культуры женскимъ монастырямъ, въ которыхъ для сего рабочихъ рукъ можетъ быть болѣе, чѣмъ достаточно, при ихъ обычной многолюдности и при существующей въ нихъ правильной дисциплинѣ по исполненію всякаго труда вслѣдствіе бдительнаго надзора и заботъ настоятельницъ о благосостояніи монастыря“.

Ходатайство духовенства. Съѣздами духовенства Тобольской, Казанской, Курской и другихъ епархій возбуждены передъ Синодомъ ходатайства о закрытіи частныхъ свѣчныхъ заводовъ и лавокъ въ городахъ, и о совершенномъ прекращеніи торговли свѣчами въ лавкахъ, такъ какъ такая торговля отнимаетъ доходъ у церквей. Кромѣ того, съѣзды высказались противъ торговли церковными облаченіями и утварью частными лицами и ходатайствуютъ о передачѣ ея въ распоряженіе духовнаго вѣдомства.

Голосъ псаломщиковъ на епарх. съѣздахъ. Принято рѣшеніе съѣзда духовенства Кіевской епархіи—уравнять въ правѣ голоса, при выборахъ депутатовъ на епархіальные съѣзды, псаломщиковъ съ семинарскимъ образованіемъ и священниковъ.

Скуфьи для псаломщиковъ. На одномъ изъ журналовъ съѣзда преосвящ. Владиміръ, еп. Кишеневскій, положилъ такую резолюцію: „Въ зимнее время, въ непогоду можно псаломщикамъ надѣвать черную скуфью, при условіи быть одѣтымъ въ подрясникъ, носить который внѣ требоисправленій необязательно".

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Въ чемъ причина нашихъ общественныхъ несчастій.—2) Новогоднія сужденія иноепархіальной печати о современныхъ задачахъ духовенства.—3) Типы православно-русскаго духовенства въ современной литературѣ. *С. Артоболевскій.*—4) Библіографическія замѣтки.—5) По епархіи.—6) Извѣстія и замѣтки.

Редакторъ А. Поповъ

Печатать разр. Пенза, 16 марта, 1908 г. Цензоръ, *прот. В. Васильевъ*

Типографія Губернскаго Правленія.